

СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО

В зале «На Солянке» открылась выставка из творческого наследия Александры Корсаковой

Дмитрий Смолев

ПОЯВЛЕНИЕ Александры Корсаковой (1904–1990) в столичной интеллигентской среде относится к началу 20-х годов и укрыто романтической тайной. Она перебралась в Москву совсем еще юной девушкой, но уже с художественным образованием, полученным — «по некоторым сведениям» — в нижегородском училище. Дальнейшая канва также предстает в виде пунктира: учеба в Первой Госкиношколе у Эйзенштейна и Пудовкина, занятия авангардным ритмическим балетом в хореографической студии имени Айседоры Дункан, работа в Окнах РОСТА под началом Владимира Маяковского... Биография Александры Николаевны окутана романтическими тайнами, столь редкими для эпохи тотального анкетирования, контроля и учета. Даже специалисты-искусствоведы, не один год изучавшие ее творчество и подолгу с ней когда-то общавшиеся, не в состоянии полноценно реконструировать сюжетную «линию жизни». Известные на сегодня опыты биографии Корсаковой фрагментарны и наполнены оговорками вроде «по некоторым сведениям» или «нельзя этого утверждать достоверно». Не исключено, что сама Александра Николаевна способствовала превращению своей личной истории в изустную поначалу легенду, поскольку была женщиной неординарной, склонной к афористичной речи, тонкому юмору и мистификациям. Самые разные люди, знавшие ее настолько хорошо, насколько это позволя-

кате, получив при этом представление о нем из первых рук. В течение десяти лет (возможно, и дольше — «нельзя этого утверждать достоверно»), до самой смерти в 1953 году вождя конструктивистов Владимира Татлина, она являлась его гражданской женой. У них были совместные работы в театре и в иллюстрировании, естественно, общий круг знакомств и творческих предпочтений. Другими словами, Корсакова получила уникальную возможность (ею впоследствии реализованную) переплавить богатый чужой опыт в свой собственный, остаться собой — но уже на другом витке спирали.

Искусство пронизывало всю ее взрослую жизнь, но настоящим художником, по собственному свидетельству, Корсакова почувствовала себя лишь после кончины Владимира Татлина. Почти все работы на выставке и относятся к этому последнему, самому продолжительному и плодотворному периоду — к 40–80-м годам. По своему составу нынешняя экспозиция практически идентична персональному показу 1990 года, проходившему в дюссельдорфском Кунстхалле. Та выставка покинула отечество еще при жизни Александры Николаевны, а вернулась некоторое время спустя после ее смерти, когда значительная часть наследия уже оказалась в ведении ряда российских музеев. Поэтому многие серии (Корсакова предпочитала работать сериями) представлены лишь разрозненными листами, а некоторые и вовсе отсутствуют. Тем не менее выставка дает представление, хотя бы характерологическое, о существе предмета.

едва ли есть что-то от татлинской манеры, хотя они и апеллируют во многом к эстетике начала века. Обводные контуры, столкновение контрастных цветовых пятен, намеренный схематизм и алогичность отдельных сюжетов — все это, безусловно, сродни исканиям и Михаила Ларионова, и Марии Сяяковой-Уречиной, не говоря уже о рисунках Велимира Хлебникова (чьим поэмам также посвящено немало корсаковских вещей). Но задачи, хотя и укладывающиеся в известное русло, — несколько не эпигонские.

Решительнее всего творческую смелость и самостоятельность она проявляет в иллюстрациях к Достоевскому. Не иллюстрациях даже, а изобразительных аналогиях романских образов. Многолетний исследователь творчества Достоевского Юрий Карякин поведает, выступая на вернисаже, как много давали ему для литературоведческой работы эти рисунки, как, впрочем, и регулярные беседы с Александрой Николаевной. Ее трактовки «Идиота» или «Преступления и наказания» напрямую антагонистичны громоздким и буквальным иллюстрациям Шмаринова с Глазуновым. В отличие от них у Корсаковой — редкое понимание и адекватная передача того сплава философии и страсти, каковой неотделим от личности писателя. Еще в 1967 году в Японии вышло двухтомное издание «Братьев Карамазовых», спроектированное графическими решениями Александры Корсаковой. Там же двумя годами позднее напечатан роман «Мастер и Маргарита» с ее иллюстрациями. Примеру японцев следовали издатели

Александра Корсакова. Гармонистка. 1982.

лось, в один голос указывают на сходство в повадках, в отношении к окружающему миру с Анной Ахматовой.

Есть шаблонное выражение, часто применяемое к одиночкам и мощным фигурам, особняком стоявшим в искусстве советского времени, — «связующее звено». Культура начала века в глухие годы представлялась головокружительной сокровищницей, запретным плодом не столько с дерева Добра и Зла, сколько с дерева Жизни. Далеко не всем и не сразу удавалось отрешиться от обаяния формальных приемов и атрибутики символизма, футуризма, конструктивизма. Отрешиться для того, чтобы почувствовать существо метода, обнаружить в этой культуре не «джентльменский набор» для наивыгодной подачи себя, а экзистенциальность мышления.

Александра Корсакова оказалась одним из таких «связующих звеньев» еще и потому, видимо, что застала то время уже на его за-

Наиболее сильное впечатление производит графика, скажем, листы из угольного и карандашного цикла «Татлин», к которому художница неоднократно возвращалась на протяжении десятилетий. Корсакова не столько запечатлевает портретный облик творца «искусства будущего» (изображения Владимира Евграфовича руки различных авторов известны во множестве), сколько предельно скупыми средствами, как будто по экспоненте, пытается приблизиться к его внутреннему миру, точнее, к разным психологическим состояниям. Это эмоциональный рассказ о гениальной личности — без применения слов, чуть ли не вариант телепатии. Именно таков и был основной урок, полученный ею от великих предшественников и старших современников, — необходимость максимально полного, не детального, а образного постижения того, что просится на холст или бумагу. В работах Корсаковой

и в других странах. У нас ничего подобного нет и в проекте.

Небольшие выставочки Корсаковой открывались уже при ее жизни — в Доме архитектора, в ЦДЛ, в других «местах скопления интеллигенции». Успела она побывать и за границей — во Франции и Германии. Но все же... «Я всю жизнь прожила идиоткой», — сообщила некогда Александра Николаевна одной своей молодой собеседнице. В этих словах, пожалуй, столько же правды, сколько и лукавства. Мудрость действительно может временами казаться идиотизмом, зато идиотизм никогда не примешь за мудрость...

У музейщиков есть планы когда-нибудь устроить большую ретроспекцию творчества художника, с привлечением работ из фондов едва ли не десятка музеев. Зная нынешнее состояние дел в культуре, прежде всего финансовых, верится в это с трудом. Хотя Корсакова такой выставки, бесспорно, заслуживает.